

сегодня № 112 - 1996 -
20 сент. - с. 10

КУРЕХИН

Фестиваль «Страсти по Курехину» благотворительного фонда Сергея Курехина (президент — вдова Настя, организатор московских концертов — медиатор Николай Дмитриев) продлится до декабря. Его герои — Чекасин, трио Circle, дуэт «Ветрофония» и «Дуэт-2», Кешаван Маслак, Отомо Йошихиде, Гайворонский. К фестивалю «Агентство Длинные Руки» (организовано Курехиным и Дмитриевым) при участии «Има-Пресс» выпустило первый из пяти запланированных при жизни Курехина дисков: *Dear Sage* — это его последняя запись, с ним — Кешаван Маслак.

Сперва мордасти

17 сентября параллельно шоу Майкла Джексона на сцене ЦДХ играл великий Ганелин: когда-то еще более любимый, которого теперь с еще большим интересом ждали. Под ужасающе помпезной (не по злобе организаторам, а из их самых добрых побуждений) шапкой помещен пестрый сборник концертов. Сам Ганелин не преминул сообщить, что о фестивале «Страсти по Курехину» узнал утром перед концертом. Часть фестиваля под отдельным заглавием «Диптих» закончилась концертом ансамбля «4.33» с программой столь же изысканной, сколь и разнообразной: от, понятное дело, Кейджа, сыгранного коротко, предельно ласково и трогательно, Эрика Сати (изысканная ирония, к несчастью, потерялась вместе с нотами лидера ансамбля Алексея Айги) до безумного Фрэнка Заппы в стильно-академичной версии. Гвоздь программы — культовое *In C* культового минималиста Терри Райли. Долгое, медитативное, оно было исполнено с таким накалом эмоциональности и фантазийности, что походило на музыку к страшным сказкам братьев Гримм. Смешной куплетный минимализм Алексея Айги и фантазийная прелюдия Павла Карманова разбавили энциклопедичность набора.

Шон БЕРТ

Теперь страсти

Говоря о выступлении, наверное, надо бы начать с того, чем оно закончилось: греческая танцовщица Анастасия Лира, с которой Ганелин импровизировал во втором отделении, выводит на сцену Чекасина. Обменявшись с Ганелиным несколькими музыкальными репликами, Чекасин со свойственной только ему жестикой биоробота пытается показать тем, кто озвучивает концерт, что с микрофонами не все в порядке. Он требовательно произносит имя «Миша!», публика решает, что таким образом он пытается повлиять на звукотехников. И лишь немногие посвященные понимают, что возглас относится к барабанщику Михаилу Жукову. Тот скромно появляется в углу и по одному перетаскивает в другой угол сцены барабаны, которыми окружил себя (но не очень пользовался) Ганелин. И здесь происходит то, чего столица не знала по меньшей мере десять лет: закрыв глаза, можно даже представить себе, что мы в году, скажем, 1986-м, и на сцене легендарное и по тем временам трио Ганелин—Чекасин—Тарасов. В течение пятнадцати лет — до ранней перестройки — трио, основанное Ганелиным в начале 70-х и признанное властями только к концу десяти-

летия, вызывало огонь на себя. Как Театр на Таганке и кинематограф Андрея Тарковского. Скрепя сердце власти даже выпускали трио на гастроли за рубеж, правда, по возможности подсовывая западным авангардистам оптимистическое искусство «Аллегро» и Леонида Чижика. Пусть читатель представит себе, что к рок-фильмам Алана Паркера или Кена Рассела подверстываются музыкальные Ивана Пырьева или Эльдара Рязанова — сами по себе, может быть, и достойные внимания. Все равно подлинное значение искусства Ганелина—Чекасина—Тарасова западная критика почувствовала: русское трио берет на себя «грех шутовства среди тех, для кого музыка сердца — это не более чем учащенный пульс» (Норман Вайнштейн о записях фирмы Leo Records).

В 1984 году Британский совет финансировал турне ганелинцев по Великобритании, в 86-м состоялись последние их совместные выступления — в США. В 87-м Ганелин эмигрировал в Израиль, но неожиданностью это ни для кого не стало — все участники трио давно уже держались вместе только благодаря ранее запланированным гастрольным обязательствам и параллельно работали над собственными проектами. В 1990-м Ганелин приезжал — по тем же контрактным обязательствам — дописывать обещанную кому-то киномузыку и дал один концерт в Московском доме композиторов в первый (теперь уже — предпоследний) раз как солист.

В Центральном доме художника Вячеслав Ганелин — заведующий джазовой кафедрой консерватории имени Рубина в Иерусалиме — выступал и как солист в первом отделении, и в дуэте с греческой танцовщицей Анастасией Лира во второй части. Как и в 1990 году, кроме упомянутых уже ударных инструментов вокруг маэстро, на рояле стоял все тот же синтезатор Korg-M1, что и шесть лет назад. И музыка была, по сути дела, все той же. Все те же масштабные формы, в меру полистические противопоставления. Например, блока «джазовое фортепьяно—ударные» — гуманоидной электронике. Или концертного рояля — имитации оркестровых инструментов. Некоторая сценическая изюминка — нарочито корявая игра одной рукой на ударных, без которых при наличии синтезатора вполне можно было бы обойтись. И, как во времена трио, на «бис» — эффектная импровизация на почти что узнаваемую тему. На этот раз напеп свирели из синтезатора — то ли кавказский, то ли ближневосточный — из заунывного превращался в интригующий.

Второе отделение началось с беззвучного появления на сцене Анастасии Лира, одетой в странную помесь отлившего металлом костюма для аэробики и коротенькой холщовой юбочки натурально-блеклого цвета. Столь же эклектична и ее пластика — два-три па из классической хореографии, азы пантомимы с уроков актерского мастерства, босоногий шаг в стиле индийского танца, кажется, из штата Керала. Согласно пресс-релизу артистка получила профессиональное образование в Нью-Йорке и выступала вместе со многими знаменитостями из джазового авангарда. В таком случае жрица с музыкальной фамилией — мастер перевоплощения, и ей удалось стилизовать свою импровизацию под, выражаясь деликатно, наивное искусство. Да так тонко, что разобравшись в том, где кончается мастерство и начинается любительский примитив, может только специалист по всем тем хореографиям, откуда госпожа Лира позаимствовала составляющие своего «искусства».

Влад ТАРАСОВ